

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Тимофеевич Аксаков

**«Батюшкина дочка», «Дядя
напрокат», «Праздник
жатвы»**

«Первое действие есть картина капризов и бешенства батюшкиной дочки, Любви Осиповны. Несмотря на доброе сердце, все терпит от ее вспыльчивого нрава: мать, графиня Брезинская, сестра Лиза, самая кроткая девушка, учителя и горничная Маша. Капитан морской службы Рогдаев, давно влюбленный в прелестную капризницу, знакомый отцу ее (который сам избаловал дочку), решается ее исправить, согласясь с князем Сицким, влюбленным в Лизу, и с Машею...»

Сергей Тимофеевич Аксаков
«Батюшкина дочка», «Дядя
напрокат», «Праздник
жатвы»

«Батюшкина дочка»

**Комедия в трех действиях, в прозе,
князя А. А. Шаховского**

«Дядя напрокат»

**Комедия-водевиль в одном дей-
ствии и дивертисман**

«Праздник жатвы»

Августа 23 дня.

Первое действие есть картина капризов и бешенства батюшкиной дочки, Любви Осиповны. Несмотря на доброе сердце, все терпит от ее вспыльчивого нрава: мать, графиня Брезинская, сестра Лиза, самая кроткая девушка, учителя и горничная Маша. Капитан морской службы Рогдаев, давно влюбленный в прелестную капризницу, знакомый отцу ее (который сам избаловал дочку), решается ее исправить, согласясь с князем Сицким, влюбленным в Лизу, и с Машею. Сицкий душил Любовь Осиповну комплиментами, а Рогдаев (к которому она неравнодушна) хладнокровно говорит ей резкие истины. Второй акт состоит из балета в трех действиях: со всем *прибором сатана*; туда заманили батюшкину

дочку; она видит свое изображение в бешеной графине, видит, как все зрители явно заметили в ней графиню, указывают на нее пальцами; она сердится, терзается. В третьем акте Любовь Осиповна, почувствовав, так сказать, сама себя, приходит в раскаяние; Маша бежит за Рогдаевым, он приходит и видит, что Любовь целует его *портрет*. Дело объясняется. Рогдаев снимает завесу с глаз ее; в истинном виде изображает ее характер, ужасные его последствия, открывается в любви и получает руку искренно раскаявшейся и твердо пожившейся исправиться батюшкиной дочери.

Из содержания этой комедии читатели могли увидеть, что исправление Любви Осиповны невероятно и что драматического действия в этой пьесе мало; надобно прибавить, что в этот раз ее давали в двух актах: средний был выкинут. С одной стороны, пьеса выиграла: она сделалась не так растянута (балет продолжался около двух часов); а с другой стороны, для зрителя, не видавшего балета, связь пьесы была прервана и конец вышел темен. Разговорный язык во всей пьесе большого до-

стоинства.

Любовь Осиповну, батюшкину дочку, г-жа Синецкая играла очень хорошо, относительно к своим средствам. Вся роль бешеной, избалованной девушки разобрана и понята ею прекрасно; везде, где требовались чувствительность и тонкость в выражении, мы были совершенно довольны; но мы не видели вспыльчивости, бешенства. Орган ее, слабый [1] и не способный к одушевленному изменению тонов, не выражал внутренней досады и гнева; в ее движениях неприметно было живости, скорости, нетерпения: необходимых признаков этого характера. Первое действие нам показалось несколько слабее и однообразнее в исполнении; второе гораздо лучше. Вообще приметно было изученье, искусство. Может быть, многим покажется наше суждение слишком строго, но что ж делать, ежели нам *так кажется*? Мы обещались говорить искренно. Истинная артистка, как г-жа Синецкая, которая во многих первых ролях, в больших комедиях, доставляет зрителям полное удовольствие верною и благородною игрою, конечно, не оскорбится нашими благо-

намеренными замечаниями. Что же касается до всегдашнего старательного изучения и исполнения своих ролей, то с этой стороны она заслуживает совершенную благодарность публики.

Г-н Мочалов роль капитана Рогдаева играл не только как артист с талантом, но и с отличным искусством; по нашему мнению, это одна из совершеннейших его ролей. Мы заметили, что по пиесе Рогдаев должен быть старше, нежели каким его играл г. Мочалов; что в четвертом явлении первого акта напрасно погорячился он в словах: «Графиня! капризы, вспыльчивость могут быть извинены воспитанием, лишняя живость нрава – молодостию; но несправедливость ничем, а неблагодарность...» Так же и во втором действии: «Если вы меня принуждаете говорить, то я скажу вашему слишком вспыльчивому нраву, который чуть не стоил жизни человеку...» Все это должно быть произнесено с большею выразительностью, с большею важностью и достоинством, но без вспыльчивости: Рогдаев действует умышленно. Длинный монолог в предпоследнем явлении второго действия был

рассказан г. Мочаловым с возможным совершенством, кроме следующего места: «Добрая матушка ваша всякий день плачет и хотя очень вас любит, но я уверен, что иногда принуждена проклинать день вашего рождения и память отца вашего», которое было слабо в отношении к целому. Этого нельзя извинить сценическою случайностию: это место сильнейшее, на нем все основано, им достигается цель, а потому оно непременно должно быть сказано сильнее других.

Графиню Брезинскую г-жа Кавалерова играла очень хорошо: натурально и верно.

Князя Сицкого, роль, впрочем, ничтожную, играл г. Сабуров. Играть нечего, но роль надобно было знать. Не наше дело судить, как должно смотреть на это начальство театра, но, по нашему мнению, незнание ролей есть знак неуважения к публике. Г-н Сабуров так привык к нему, что оно его не смущает, а забавляет.

Г-жа Нагаева изрядно играла Машу, но могла бы играть гораздо лучше. В ней заметно малое упражнение в своем искусстве, иначе она не сказала бы *смóтря* вместо

смотря; роль тоже не совсем была тверда, Мы с сожалением говорим это: г-жа Нагаева для ролей служанок имеет решительный талант.

Г-жа Родецкая в роли Лизы совершенно не походила на лицо, ею представляемое. Признаемся, что даже странно видеть это на столичном театре и доказывает или невнимание к искусству, или совершенную бедность.

Парикмахер Дюшон (г. Ленский), англичанин Жемсон (г. Третьяков), италианец Ремини (г. Живокини), немец Глюкман (В. Степанов) были вообще недурны, но г. В. Степанов играл совсем не пожилого немца, а какого-то молодого француза. Режиссер, как видно, не позаботился и взглянуть, что Глюкман, отец семейства, выходит на сцену пятнадцатилетним мальчиком.

Водевиль «Дядя напрокат», переделанный с французского покойным А. И. Писаревым, весьма забавен и хорошо играется. Прекрасные куплеты, веселость одушевляют всю пьесу. Вот содержание: г. Дерсан, богатый молодой человек, влюблен в бедную благородную девицу, Емилию Дорваль, ремеслом портрет-

ную живописицу, у которой, однако, есть дядя в Америке, вероятно наживший большое состояние. Емилия, узнав от живущих с ней в одном доме швеи Луизы и каретного подмастерья Варфоломея (которые друг к другу неравнодушны), что Дерсан тихонько покупает ее картины дорогою ценою и платит за ее квартиру втрое, нежели сколько берут с нее хозяева, почитая выше всего доброе имя, решается съехать с квартиры и никогда не видаться с Дерсаном. Он в отчаянии. Встречается с Фомою Бонитонем, бывшим кучером своего отца, который, узнав, что вся надежда Дерсана основана на возвращении дяди Емилии из Америки, предлагает ему сыграть комедию и назвать его дядею, возвратившимся с большим богатством из Америки. Дело слажено и сначала идет очень хорошо, Емилия поверила; но, по несчастию, Варфоломей в самом деле родной племянник Бонитону и узнает его. Кое-как обман скрывают, хотят уверить Варфоломея, что кормилица его подменила и что он, следовательно, не племянник богатому дяде; в самое это время приносят письмо к Бонитону, в котором уведомляют,

что ему возвращается место кучера дилижанса, прежде отнятое; сам Бонитон ошибкою отдает его прочесть Емилии. Истина открывается, Варфоломей восклицает; «Так ты был дядей только напрокат!» – но Емилия, тронутая любовью Дерсана, обещавшая ему свою руку, *из опасения разорить его*, соглашается выйти за него замуж. Причина недостаточна, но для водевиля годится. Разговор очень хорош, и большая часть куплетов прекрасны. Последний – особенным отношением к покойному Писареву горестно отозвался в сердце его приятелей. Мы видели, что один почтенный артист на сцене не мог удержаться от слез: вот куплет:

Емилия
(к зрителям)

*В представленья, как в процессе,
Суд готовясь произнести,
Не забудьте, что в пьесе,
Кроме нас, участник есть.
Он решенья ожидает,
Замечаньям будет рад
И, поверьте, не желает*

Братъ успехи напрокат.

Бонитона играл г. Щепкин... Искренно признаемся, что он приводит нас в затруднение! беспрестанно хвалить, того и гляди что прослышем пристрастными его почитателями, не говоря уже о том, что нажужжит «Северная пчела»; да и словарь похвальных выражений скоро истощится; порицать же его не за что. Есть у него один неизменный недостаток: произношение *некоторой* буквы, но насмешники скажут, что мы *выезжаем на одном глаголе*. Делать нечего; до удобного случая к нему придраться надобно сказать: Бонитона играл г. Щепкин прекрасно.

Г-н Живокини в роли Варфоломея был недурен. Знаем его благоразумие и, не опасаясь оскорбить его, скажем, что Рязанцев в этой роли был превосходен. Счастливая его натура оказывалась тут в полном блеске. В этой роли в первый раз заметили мы в его игре огонь. Отдавая полную справедливость стараниям г. Живокини, за долг считаем напомнить ему, что простосердечие не есть глупость, а шутовство – не веселость. Он понимает нас.

Г-жа Репина, в роли Емилии Дорваль, не так была хороша, как в других водевильных ролях: это не ее род. Девица Дорваль должна была казаться несравненно выше своего состояния.

Г-жа Лаврова в Луизе произвела на нас неприятное впечатление: таланта много, а успеха – мало. Явное нестарание, явная нелюбовь к искусству: играя так редко, не знать роли; в последнем, право, далеко превосходил ее г. Сабуров; прибавьте к этому холодность, привычную на сцене ловкость, и вот и все, что составляло игру его в роли Дерсана.

Дивертисман был выполнен очень хорошо.

Примечания

Искусному произношению г-жи Синецкой надобно приписать, что каждое ее слово слышно даже на большом театре.

[^^^]